

ТАРОНИМИЯ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Описывается антропоцентрическая категория таронимии и рассматриваются возможности лексикографической интерпретации таронимов в объяснительном полиаспектном словаре, а также в словарях трудностей русского языка.

Ключевые слова: антропоцентрическая категория таронимии, тароним, таронимическая пара, таронимическая цепочка, лексикографическая интерпретация таронимов.

Таронимы (от греч. *taratto* 'путаю, привожу в замешательство' и *опота*, *опута* – 'имя') – это лексические и фразеологические единицы, которые произвольно смешиваются при производстве и / или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности.

Для того чтобы два слова могли быть квалифицированы как таронимы, необходимо чтобы уже состоялся, наличествовал актуальный или виртуальный факт их ошибочного смешения¹ в речи. Таким образом, конституирующим признаком таронимов является их подтвержденная или жестко вероятная способность смешиваться в процессе речепорождения или речепонимания.

Свойство слова вступать или не вступать в таронимические отношения с другими словами определяется его **таронимической ценностью**. Если у нас нет подтвержденных свидетельств ошибочного употребления данного слова вместо какого-либо другого, то его таронимическая ценность равна ну-

лю. В противном случае она отлична от нуля [Морковкин, Мандрикова, 2010].

Основной структурной единицей таронимии является таронимическая цепочка. **Таронимическая цепочка** – группа слов или фразеологизмов, имеющих положительную таронимическую историю, т. е. уже участвовавших в произвольном речевом смешении. В конкретном таронимическом акте такая цепочка всегда представлена **таронимической парой**. Применительно к словам в ней один элемент – нужное (правильное и искомое) слово, а другой – его ошибочный заместитель. Что касается фразеологии, то здесь таронимическая цепочка всегда, как кажется, состоит из двух единиц, т. е. является таронимической парой.

Поскольку непреднамеренное речевое смешение языковых единиц происходит по причине их формальной, семантической или тематической смежности, эти факторы могут порознь или в определенном взаимодействии друг с другом выступать в качестве основания для установления типологическо-

¹ Феномен ошибочного смешения лексических единиц в речи, разумеется, не может считаться новой исследовательской проблемой. Свидетельством этого служит целая гирлянда авторских терминов, предложенных в науке для обозначения обсуждаемого явления: «неудачный выбор языковой единицы» (Л. П. Демиденко, О. В. Кукушкина), «ошибочная замена» (О. В. Кукушкина), «подмена слов» (Б. С. Мучник), «ошибки по типу субституции» (Д. Т. Сыдыкбекова), «нивелирование различий» (С. Н. Цейтлин), *semantic group slips* (Hotopf) и т. п. Новым в настоящем рассуждении является утверждение о том, что совокупность лексических цепочек, составленных из неправомерно смешиваемых слов, можно рассматривать как отдельную антропоцентрическую единицу лексической системы.

го разнообразия соответствующих таронимических цепочек. В частности, ориентация на формальный и формально-содержательный критерии позволяет обособить таронимические цепочки паронимического типа, в том числе:

- однокоренные паронимы (например, *Провели задержание одновременно на трех съёмочных* (вм. *съёмных*) квартирах (телеинтервью); *Она одна из близких* (вм. *близких*) моих друзей (РР));

- разнокоренные паронимы (например, *Я хочу получить у вас страховой полис* (вм. *полис*); и в то же время *Писатель пытается уравновесить разные полисы* (вм. *полюсы*)).

Ориентация на семантический и тематический факторы дает возможность выделить в качестве объекта рассмотрения таронимические цепочки содержательного характера, в том числе:

- синонимические (например, *В тренировке участвовали все игроки, кроме Евгения Алдонина, который получил повреждение* (вм. *травму*) в предыдущей игре (ТВ, Вести-Спорт));

- антонимические (например, *Это произведение Лермонтова было высоко оценено не только современниками поэта, но и его предшественниками* (вм. *потомками*) (из ответа студента);

- агнонимические (например, *глиттвейн – грог – пуни*).

Случаи возникновения таронимических ошибок в результате содержательной смежности у лексических единиц, относящихся к одному семантическому полю или одной тематической группе, встречаются довольно часто, например: *Лексика* (вм. *лексикология*) – это наука о словах.

Таронимическое взаимодействие фразеологических единиц (включая и коллокации, т. е. слабые фразеологизмы) чаще всего происходит по двум сценариям. Первый сценарий состоит в текстовой подмене нужного фразеологизма другим, сходным с ним в части материальной оболочки, но существенно отличающимся по значению. Вовлеченные в такое взаимодействие фразеологические единицы суть не что иное, как фразеологические паронимы, например: *В подобной ситуации важно не потерять из виду* (вм. *не упустить из виду*) интересы самого человека, ради которого проводится эта реформа (ТВ) и т. п. Второй сце-

нарий предполагает не подмену одного фразеологизма другим, а их неправомерное совмещение, наложение друг на друга, контаминацию. Результат такого взаимодействия – появление неправильных выражений (фразеологических кентавров), составленных из частей вовлеченных в таронимическое столкновение фразеологизмов. Хрестоматийным примером здесь может служить пресловутое *играть значение*, образованное в результате совмещения коллокаций *иметь значение* и *играть роль* (ср.: [Ицкович, Шварцкопф, 1983]). См. также *абсурд полнейшей воды* (< *полный абсурд* + *абсурд чистой воды*), *выбиваться из кожи* (< *лезть из кожи* + *выбиваться из сил* и т. п.). Подобного рода фразеобразования можно обнаружить в речи не только рядовых носителей языка, но и (как в случае со словами) в текстах, принадлежащих перу крупных писателей, например: «...*придет с войны, дай бог, братец твой, муженек наш ясный Илья Антоныч, обо всем как есть с тобой обговорит и деньги платить будет хоть по гроб доски*» (А. Фадеев. Костер).

Категория таронимии, которая объединяет лексические единицы, характеризующиеся ослабленной коммуникативной готовностью, имеет все основания стать одним из главных объектов антропоцентрического лексикографирования. В связи с этим могут быть рассмотрены две основные возможности такого словарного описания.

Первая возможность состоит в отражении отличной от нуля таронимической ценности слов, составляющих словник объяснительного полиаспектного словаря. Полиаспектными, напомним, называются такие словари, в которых единицы словника (они отбираются обычно на основе принципов употребительности, тематической и коммуникативной важности) получают разностороннюю характеристику.

Вторая возможность заключается в создании специального аспектного словаря. Аспектными называются словари, ориентированные на лексикографирование либо лексических единиц, относящихся к определенным составным или совмещенным единицам лексической системы, либо определенной стороны, определенного свойства лексических единиц.

Обращаясь к объяснительному полиаспектному словарю для разрешения затруднений «таронимического» характера, носи-

тель языка, как правило, стремится получить вразумительный ответ на такие возникающие у него вопросы, как: *Чем отличается галун от шеврона? Можно ли заменить слово акванавт на слово гидронавт? Какая разница между словами доломан, венгерка и ментик? Экстерьер и габитус – это одно и то же? Как правильно сказать: кнели или фрикадельки?* и т. п.

Подобного рода затруднения свидетельствуют о существовании отличий таронимических запросов от агнонимических. В частности, таронимический запрос отличается от агнонимического тем, что в случае агнонимии пользователь желает устранить неопределенность относительно значения одного слова, а в случае таронимии он должен искать значения двух или более слов, которые он осознает как похожие по форме и / или значению. Если малопонятное или непонятное слово – агноним – есть в словаре, то пользователь получит всю необходимую ему информацию (или хотя бы ее часть), т. е. удовлетворит свой запрос здесь и сейчас. В случае таронимии все происходит иначе. Так, при поиске ответа на вопрос, чем *гандбол* отличается от *регби*, пользователю придется проделать определенную аналитическую работу: найти оба слова (они могут быть в разных частях словаря, даже в разных томах), сопоставить их значения или формы, сделать вывод относительно их различий и каким-то образом рекомендовать самому себе на будущее их не путать. Даже если речь идет об интернет-поиске или электронном словаре, задачи пользователя по удовлетворению вышеозначенного запроса это не облегчает.

Как же может решаться проблема отражения отличной от нуля таронимической ценности слова в полиаспектных словарях антропоцентрической направленности? Наиболее очевидным и весьма эффективным представляется решение, включающее три лексикографические операции.

Первая операция состоит в ориентированной на таронимию коррекции словаря полиаспектного словаря. Такая коррекция предполагает последовательную проверку всех включенных в словарь лексических единиц с целью установления среди них таких, которые характеризуются отличной от нуля таронимической ценностью. При обнаружении подобных лексических единиц

следует выяснить, имеются ли в словнике слова, обуславливающие их таронимический статус, и, в случае отсутствия таких слов, рассмотреть вопрос об их включении в словник.

Вторая операция предполагает придание семантизирующим отрезкам, приводящим в известность абсолютную ценность лексических единиц, связанных таронимическими отношениями, отчетливо контрастивного характера. Иначе говоря, включенные в словарь таронимы должны семантизироваться на такую глубину, на которой их различие становится очевидным.

Наконец, третья лексикографическая операция заключается в указании при каждом слове, входящем в таронимическую цепочку, всех других ее членов. Такое указание может осуществляться с помощью перекрестных отсылок, состоящих из слова **Ср[авни]** (и / или какого-нибудь условного знака, например, !) и соответствующих лексических единиц, выступающих в качестве таронимов по отношению к данному слову. Перекрестная отсылка составляет особую зону словарной статьи. Ее цель – связать разделенную алфавитом таронимическую цепочку и предупредить тем самым возможную таронимическую ошибку. Перекрестная отсылка может находиться и после грамматической характеристики, и после толкования, и в конце словарной статьи.

К примеру, нами неоднократно была зафиксирована таронимическая ошибка, достаточно распространенная в разговорной речи (теле- и радиоинтервью, ток-шоу, выступления и т. д.): *Я в стопоре* (вм. *ступоре*), *Он успел схватиться за ступор* (вм. *стопор*) и др. Соответствующие словарные статьи в Словаре русского языка [МАС, 1986] выглядят следующим образом:

СТО́ПОР, -а, м. Приспособление для остановки или удержания в определенном положении движущихся частей механизма. *Стопор якорной цепи. Стопор будильника. Стопор микрометра.* □ *Ему удалось поднять крышку люка и поставить на стопор.* Леонов, Взятие Великошумска.

[Англ. stopper].

<...>

СТУ́ПОР, -а, м. Мед. Угнетенное состояние при некоторых психозах, выражающееся в полной неподвижности и молчаливости больного.

[От лат. stupor – оцепенение].

Ориентация на устранение возможной таронимии придает тем же словарным статьям следующий вид:

СТО́ПОР, -а, м. Приспособление для остановки или удержания в определенном положении движущихся частей механизма. **Ср.** **Ступор** *Стопор якорной цепи. Стопор будильника. Стопор микрометра.* □ *Ему удалось поднять крышку люка и поставить на стопор.* Леонов, Взятие Великошумска.

[Англ. stopper]

<...>

СТУ́ПОР, -а, м. Мед. Угнетенное состояние при некоторых психозах, выражающееся в полной неподвижности и молчаливости больного. **! Ср.** **стопор**

[От лат. stupor – оцепенение]

Сказанное по поводу полиаспектных словарей в полной мере относится и к так называемым словарям трудностей русского языка, в которых лексические трудности рассматриваются наряду с другими (орфоэпическими, произносительными, акцентологическими, словообразовательными, грамматическими и др.). Главный недостаток названных и подобных словарей состоит в том, что они включают в свой состав только таронимы-паронимы, другие типы таронимических цепочек в таких словарях отсутствуют. При этом в ряде случаев фиксируется не семантическое различие таронимов-паронимов, а их семантическое сходство, что не способствует устранению возможных таронимических затруднений, ср.:

ТИРАНИЯ – ТИРАНСТВО. Совпадают в значениях: 1. Власть, образ действий, основанные на произволе и насилии. *Политическая борьба против тирании (тиранства).* 2. Деспотизм, жестокость, произвол по отношению к кому л. *Тирания (тиранство) самодуров в «темном царстве»* [МАС, 1984. С. 606].

Поскольку в словаре трудностей паронимы предъявляются в виде цепочки (пары) (см.: [Розенталь, Теленкова, 2003]), то необходимости в перекрестной отсылке нет. Устранение таронимической трудности в соответствующем словаре может иметь следующее решение, например:

ТИРАНИЯ – ТИРАНСТВО

Различаются значением:

Тирания. Правление, основанное на произволе и насилии; деспотизм. *Царская тирания. Фашистская тирания.* || *перен.; чего.* Деспотическая власть, гнет чего-л. *Тирания привычек. Вы не связаны тираниею общественного мнения, которая у нас так страшно тяготеет над журналистикой* (Добролюбов, Письмо благонамеренного француза).

Тиранство. Поведение, образ действий тирана. – *Нет, не просвещением, не вольнодумством философов можно покончить с тиранством владык... – твердо сказал Фигнер* (Никулин, России верные сыны).

Особого рассмотрения требует возможность отражения таронимии в словаре фразеологизмов. Считаем, что фразеология в силу специфичности ее единиц является зоной «коммуникативного риска», зоной, где проявления агнонимии и таронимии, приводящие к различного рода трансформациям фразеологизмов в речи, встречаются достаточно часто (см., например: [Жукова, Мандрикова, 2005; 2006]). Существует фразеологический словарь, последовательно фиксирующий трансформации – «Фразеологизмы в русской речи» [Мелерович, Мокиенко, 2001]. Авторы словаря исходят из того, что «в речи постоянно наблюдаются спонтанные преобразования значения и формы фразеологических единиц, обусловленные их функционально-семантическими свойствами как особых экспрессивных единиц языковой номинации» [Там же. С. 13]. Изучение же семантических и структурных трансформаций фразеологизмов требует их фиксации и последовательной систематизации в словаре: «лишь при таком подходе отражается реальная жизнь фразеологизма, описываются все его речевые потенции и специфика употребления в конкретном языке» [Там же. С. 4]. Полностью соглашаясь с этой мыслью, отметим, однако, что представленные в данном словаре трансформации не включают дефектных преобразований. Например, фиксируется только такая контаминация, в результате которой возникает новая фразеологическая единица – авторская, окказиональная, т. е. преднамеренная, ср., например: *Держать камни за пазухой и бросать их в чужой огород* (ирон.): *Очень жаль, что современные ора-*

торы не похожи на Демосфена: у них **не камни, а каша во рту. Камни же они обыкновенно держат за пазухой и бросают их в чужой огород** (А. Аверченко) [Там же. С. 264].

Обратимся к тем случаям, когда носитель языка по причинам таронимического характера смешивает две фразеологические единицы, создавая гибрид, оцениваемый как нарушение фразеологической нормы, например: **Браво, Эвелина! Вы как всегда смотрите в точку** (из *смотреть в корень* и *(попасть) в точку*) (А. Васильев. Модный приговор). В данном случае мы имеем дело с таронимией, о чем свидетельствует появление фразеологического гибрида **смотреть в точку**. Информация об отличной от нуля таронимической ценности фразеологизмов может, как и в случае с рассмотренными выше полиаспектными словарями, располагаться в специальной зоне словарной статьи конкретной ФЕ и содержать указание (см. перекрестную отсылку) на потенциальную таронимию, т. е. возможность контаминационного взаимодействия с другой фразеологической единицей при условии их формальной и семантической смежности и наличия случаев зафиксированного образования таронимической пары, например:

Краеугольный камень, чего, в чем. Книжн. Основа, важнейшая часть; сущность, главная идея. <....> ! **Ср. Камень преткновения**

или

Язык не поворачивается. Трудно что-л. высказать (ложь, незаслуженную похвалу, несправедливое обвинение). <....> ! **Ср. Рука не поднимается**

Предупредительная информация о возможном смешении единиц в словаре фразеологизмов должна сопровождать описание именно тех единиц, для которых такое смешение является регулярным (ср.: **рука не поднимается** и **язык не поворачивается**), или зафиксированным неоднократно (материалом в этом смысле могут служить, например, научные работы, учебные пособия по культуре речи, практической стилистике, литературному редактированию, словари ошибок и т. д.).

Итак, предложив возможности отражения таронимического взаимодействия лексических и фразеологических единиц в полиаспектных и примыкающих к ним словарях, тем не менее, мы считаем, что оптимальная технология описания таронимов как антропоцентрических единиц должна осуществляться в специальном аспектном словаре, посвященном их последовательному системному описанию [Мандрикова, 2011а; 2011б].

Список литературы

Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С. К типологии формальных отклонений от фразеологической нормы // Литературная норма в лексике и фразеологии. М.: Наука, 1983. С. 182–196.

Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. Фразеологические единицы в текстах СМИ: проблема декодирования / Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций» (Барнаул, 12–16 апреля 2005 г.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 170–172.

Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. Фразеологизм в рекламе: выразительность или дезориентация? / Актуальные проблемы коммуникации и культуры: Сб. науч. тр. Пятигорск; М., 2006. Вып. 3. С. 176–181.

Мандрикова Г. М. Лексикографическая интерпретация таронимов: к проблеме отбора словника // Вестн. Томск. гос. ун-та: Общественнонаучный периодический журнал. 2011а. № 350. С. 17–20.

Мандрикова Г. М. Возможности словарного представления таронимов // Десятые Поливановские чтения: Сб. ст. по материалам конф. Смоленск: Маджента, 2011б. Ч. 2. С. 299–304.

Морковкин В. В., Мандрикова Г. М. Таронимия: понятие и типологическое разнообразие // Русский язык за рубежом. 2010. № 5 (222). С. 42–48.

Список словарей

МАС – Словарь русского языка (Малый академический словарь): В 4 т. / АН СССР,

Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой.
3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985–1988.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М.: Рус. словари, Астрель, 2001.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 3-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003.

Материал поступил в редколлегию 05.11.2012

G. M. Mandrikova

TARONYMY AS LEXICOGRAPHICAL PROBLEM

The article describes briefly the anthropocentric category of taronymy and discusses opportunities for lexicographic interpretation of taronyms in a multiple-aspect explanatory dictionary as well as in dictionaries of difficulties of the Russian language.

Keywords: anthropocentric category of taronymy, taronym, taronymous pair, taronymous chain, lexicographical interpretation of taronyms.